

ПРОФЕССОР ГРИГОРИЙ МАРКОВИЧ ДУБИЦКИЙ
(воспоминания сына)

Имя Григорий (по-еврейски - Гирш) означает Олень. Стоит у нас дома каслинская отливка - гордый олень с мудрым взглядом и ветвистыми рогами, как бы отождествляющими все перипетии жизненного пути. О них - как отложилось в моей памяти, самые яркие - ниже.

Мой отец родился 20 августа 1996 года в г. Пинске в семье банковского служащего Марка Львовича и его жены Фанни Исаковны Дубицких. Дедушка был маленького роста, вдумчивый, подвижный. Он происходил из многодетной семьи. Бабушка была высокого роста, крупная, веселая. Она вела домашнее хозяйство (сад, огород, куры) и "светскую жизнь" - собирала гостей (городской врач, священник, учителя), играла в карты, шахматы, лото.

Вскоре после рождения отца его семья переехала в г.Клинцы Брянской области, где дедушка Марк Львович стал управляющим Клинецовским отделением крупнейшего международного банка Лурье, который финансировал Клинецовские суконные фабрики, в том числе, изготавливающие шинельное сукно. Перед революцией в доме у дедушки жил, прячась от жандармов и работая бухгалтером, Максим Максимович Литвинов - будущий нарком иностранных дел СССР. После революции дедушка был коммерческим директором треста Клинецовских суконных фабрик. Он неоднократно избирался в Клинцах депутатом горсовета.

Пройдя начальную подготовку в домашних условиях в г. Клинцы, отец блестяще сдал вступительные экзамены и, успешно преодолев "процентную норму" (не более одного еврея на класс), был принят в Орловскую первую гимназию, которую окончил с золотой медалью (имея для этого даже 5 по "закону божию", хотя как еврей учить его был не обязан, но тогда он не мог претендовать на медаль).

В гимназии отец не только хорошо изучил весь цикл точных наук (между прочим, он сохранил знание алгебры, геометрии, арифметики на всю жизнь и, например, мог в уме решать квадратные уравнения), но и овладел греческим, латынью, французским, немецким и церковно-славянским языками (позднее он самостоятельно изучил английский язык и два еврейских языка - иврит и так называемое арамейское наречие - древнееврейский язык), хорошо изучил историю и литературу. Интересно, что когда в УПИ приезжали румынские литейщики, то уже на второй день общения с ними Григорий Маркович мог свободно разговаривать на

румынском языке, подчеркивая его корневую основу из французских, итальянских (латынь) и немецких слов. Интерес к истории у него сохранился на всю жизнь: он внимательно следил за политикой разных стран и глубоко разбирался в дипломатии.

Имея золотую медаль, он юридически мог без экзаменов поступить в любое высшее учебное заведение царской России, но ... в гуманитарные вузы евреев не принимали, так же как и в технические, находившиеся за "чертой оседлости". Поэтому папа поступил в Екатеринославский (г.Днепропетровск) горный институт на технологический (впоследствии - металлургический) факультет.

Спустя несколько месяцев его забрали в армию. Уже после его смерти я узнал от его брата, что папа был допущен к экзаменам экстерном на звание прапорщика, но в процессе этого экзамена поразил офицеров своими глубокими знаниями не только уставов и наставлений, оружия и тактики, но и истории войн, что по особому ходатайству был допущен до экзаменов на звание поручика, которое и получил. Отец боялся об этом рассказывать и не писал в своих биографиях (хотя ни в каких боях белой армии не участвовал), по-видимому потому, что перед его глазами стояли страшные картины расстрелов в Петрограде в "порядке красного террора" офицеров, ученых, деятелей культуры. Думаю, что именно по этой причине он никогда не вступал в КПСС (хотя ему это многократно предлагали, в том числе - фактически его аспирант и коллега по дитейной кафедре УПИ - Аверкий Борисович Аристов, будущий секретарь Челябинского обкома КПСС и секретарь ЦК КПСС, затем посол СССР в Польше, приславший из Варшавы теплую поздравительную телеграмму отцу к его 70-летию).

После февральской революции 1917 года папа был освобожден от службы в армии и направлен в Петроградский горный институт на металлургический факультет, который окончил в 1924 году.

С моей мамой Розалией Михайловной Дубицкой (Копелиович) отец познакомился через дружбу с ее братом в г.Днепропетровске, когда она училась в женской гимназии и, как он сам говорил, не обратил на нее внимания (мама на 4 года младше папы). Вторично они встретились в Ленинграде, когда мама училась на Высших женских курсах Гирье (впоследствии - педагогический институт имени Герцена) на филологическом факультете, в 1923 году они поженились.

После окончания института папа поступил работать на машиностроительный завод им.К.Маркса сначала мастером на заливке, потом -

зав. формовочным отделением, затем - технологом и, наконец, начальником литейного цеха. Мама получила работу в колонии малолетних преступников, а затем работала завучем учебного комбината на 3-й конфетно-шоколадной фабрике. Здесь она хорошо зарабатывала и иногда приносила домой бракованные сладости от экспортных поставок (мы с папой - большие сладкоежки, и это нас очень радовало).

На заводе К.Маркса во время отливки бронекорпуса для ДОТ произошел взрыв, и папа получил более 10 ожогов каплями расплавленного чугуна через ватник.

В 1933 году его направили на строительство и пуск Новокраматорского машиностроительного завода-гиганта начальником цеха №2 (свыше 3500 рабочих). О его хорошей работе можно судить по премиям: сначала - патефон (некоторые пластинки у нас еще сейчас живы), потом - велосипед с серебряной монограммой (она хранится у меня, велосипед был сдан в военкомат в 1941 году), а потом нагрудный знак "Ударнику НКМЗ", который вручал нарком тяжелой промышленности С.Орджоникидзе. Он обходил и квартиры инженеров, и мама, для которой в Краматорске не было работы (у нас была только украинская школа, где я учился 2 года), упростила его отпустить папу в Ленинград.

В Краматорске произошли два события, врезавшиеся мне в память. Первое из них - аресты. У нас на лестничной площадке арестовали начальника цеха металлоконструкций - ленинградца. Папа спал на раскладушке у входной двери со сменой белья, ежедневно ожидая своего ареста. Его начальник (начальник корпуса литейных цехов Закс - коммунист с дореволюционным стажем, участник революции и гражданской войны) был арестован и расстрелян. Второе событие - пожар. Отливали ротор для турбины (кажется второй очереди Днепрогэса). Расплавленный металл прорвал форму, соприкоснулся с подземными водами и взрывом пара был выброшен на крышу цеха на высоту около 30 метров. Загорелись деревянные стропила. Мы жили в полутора километрах по прямой от завода. Увидев пожар, папа в одном белье вскочил на велосипед и помчался на завод с криком: "Мой цех горит!" (подобный крик мне довелось слышать еще раз в жизни, когда погибал космонавт Комаров). У меня велосипеда не было, поэтому я просто побежал в цех. Огонь полыхал на крыше. К счастью, никто не погиб. Папа отдавал какие-то команды. Под крышей цеха начал перемещаться кран, на котором стоял насос для подкачки воды и тянулся на землю шланг. Рабочие на кране качали воду, направляя струю на доски крыши. В это время (я

стоял рядом с папой, рабочие меня знали и не прогоняли) к папе подошел сотрудник НКВД (в синих галифе, которых мы так боялись; чтобы это понять - смотрите фильм Н. Михалкова "Утомленные солнцем") и потребовал, чтобы он пошел дать ему показания. Папа ответил, что как только погасят огонь, он пойдет, а сейчас - не может. Я видел, как рука этого сотрудника легла на кобуру (мне тогда было 10 лет и стало очень страшно). Я подумал, что вот сейчас он застрелит папу, и инстинктивно рванулся вперед, чтобы встать между ними. В это время нас окружили рабочие цеха. Нас с папой оттеснили от сотрудника НКВД люди с ломami и еще чем-то железным. Один из них схватил пробегающую кошку и бросил ее в ковш с расплавленным металлом. Произошла вспышка, кошка мгновенно сгорела. Лицо сотрудника НКВД стало молочно-белым, он прорвался сквозь кольцо рабочих и побежал большими прыжками. Почему папу потом даже не вызывали в НКВД, я не знаю.

Я часто бывал у папы в цехе, знал, как делают модели, умел формовать мелкие детали и пр. Видел, что папа часто показывал рабочим приемы формовки, заливки, выбивки. К моему 10-летию мне сделали в модельном цехе подарок - шары, молотки и дужки для крокета под руководством настоящего англичанина, работавшего консультантом (потом выяснилось, что он не инженер, а артист цирка - дрессировщик).

В 1935 году папа вернулся в Ленинград и стал работать главным металлургом завода им. Лепсе, а в 1936 году он по договору на 5 лет поехал в Свердловск преподавателем кафедры литейного производства УПИ, где и проработал практически до самой смерти в 1974 году.

Во время Отечественной войны наша квартира в Ленинграде была разбомблена. В 1942 году я добровольно пошел в армию через Свердловский военкомат.

В 1937 году (мы жили тогда во Втузгородке в первом профессорском корпусе) началась новая волна арестов. Под нами жили геологи Волковы, с их сыном мы были одноклассниками. В ночь их ареста мои родители забрали мальчика к нам, не дали отправить в приют, потом его забрала бабушка. Для этого нужно было немалое гражданское мужество.

В начале Великой Отечественной войны отец был призван в армию и направлен в сформировавшийся в Свердловске артиллерийский полк инженером полка (он был инженер-капитан запаса), но потом его отозвали, и всю войну он помогал заводам Урала в выпуске оборонной продукции. За это он был награжден орденом "Знак Почета" и всеми юбилейными медалями.

Отец подготовил много аспирантов, некоторые из них стали уже докторами наук и профессорами, все они остались нашими добрыми друзьями, и мы, его семья, очень ценим их доброе отношение. Я, приезжая в Екатеринбург и приходя на кафедру литейного производства, всегда с особым душевным трепетом смотрю на фотографию отца, думаю о прожитой им большой и честной жизни.

Мне трудно судить о вкладе моего отца в науку, но есть два обстоятельства, которые дают такую оценку. Во-первых, его очень ценил академик Владимир Иванович Дикушин - директор института машиностроения АН СССР, который говорил мне, что папа оставил свой большой след в науке, потому что он впервые соединил гидравлику с литейным делом, во-вторых, я видел его книжку "Литниковые системы" (она издана также в Китае и Румынии) в затертом от частого использования виде в руках чешского заводского литейщика. Поэтому думаю, что и в теорию и в практику литейного дела он внес свой вклад.

Отец был замечательным семьянином и добрым воспитателем. В школе я "заболевал" по очереди разными предметами. Когда я "заболел" геологией, он помог мне собрать коллекцию минералов и, главное, дал возможность поработать месяц младшим коллектором в геологической партии. Папа никогда не давил на меня ни в моих увлечениях, ни в моей учебе или службе. Он считал, что главным является то, чтобы учиться, жить и работать было интересно.

Папа хотел видеть у меня хорошую семью и хорошие успехи в науке. Думаю, что эти заветы в определенной степени выполнены. У меня двое детей (дочь и сын), внучка и внук. Мы живем в дружбе, вместе строим дачу и работаем на ней. У меня вышло более 10 книг, мне присвоена медаль им. С.П.Королева за работы в области космоса, Премия Совета Министров СССР 1991 года (в коллективе авторов) за высокое качество промышленных роботов и токарных автоматов, Государственная премия России 1996 года в области науки и техники (в коллективе авторов). Сын - кандидат физико-математических наук, дочь окончила аспирантуру и издала (в соавторстве) книгу по акустической диагностике.

Фотография Григория Марковича - в центре моего рабочего стола, ему я отдаю отчет о всех успехах и неудачах, он для меня всегда живой.

Спасибо его ученикам и соратникам за добрую память и все, что они сделали в честь 100-летия со дня его рождения от меня и всей нашей семьи.